

ригайлов и др.), то выявляется картина какого-то сплошного и сквозного карнавала, главный герой и режиссер которого – сам автор. Шуты, как и другие образы, созданные писателем, – это «тени» его самого, в них «распыляется» Достоевский, в чем М.М. Бахтин абсолютно прав. Они и создают комическое, тот самый смех, который является лекарством от страха.

Другим же способом создания комического эффекта является игра слов (сознательное авторское отклонение от существовавшей в его время языковой нормы), о чем и пойдет речь в этой статье, а конкретно – о способах создания языковой игры, ее своего рода стилистической технологии. Некоторые уже были отмечены исследователями [1], другие обнаружены нами при работе над Словарем языка Достоевского [2].

Обратимся к такому стилистическому приему, который называется зевгмой, основанному, в сущности, на эффекте обманутого ожидания: «Требование было до того настойчивое, что она принуждена была встать с своего ложа, *в негодовании и в папильотках*, и, усевшись на кушетке, хотя и с саркастическим презрением, а все-таки выслушать» [3. Бесы. Т. 10. С. 338. Курсив здесь и далее наш. – И.Р.]

Мы видим употребление в одном сочинительном ряду разнородных по своей семантике слов, что и создает комический, притом легко узнаваемый читателем (как XIX века, так и современным) сниженный образ, усиливаемый употреблением слова *ложе*: после *в негодовании* могут следовать *раздражение, расстройство*, другие проявления чувств и эмоций, но никак не *папильотки* – «кусочки бумаги, ткани, на которые накручивают при завивке волосы». Приведем другие примеры зевгмы: «С саркастической улыбкой и со шляпой в руках, Мозгляков воротился в большую залу» [Дядюшкин сон. Т. 2. С. 398]; «Штабс-капитан вскоре скрылся и явился опять в нашем городе только в самое последнее время, с своею сестрой и с новыми целями» [Бесы. Т. 10. С. 29].

Легко заметить, что зевгма у Достоевского употребляется в основном при описании комических персонажей – Голядкина, Мозглякова, Лебядкина. По всей видимости, одна из функций этого приема в текстах Достоевского заключается в том, чтобы, как писал Д.С. Лихачев, создать «неожиданные соединения разных фактов, которые сам читатель должен додумать и объяснить себе» [4. С. 35], иллюстрируя данное положение цитатой из «Бесов»: «Человек [Липутин] был *беспокойный, притом в маленьком чине*» [Бесы. Т. 10. С. 27].

Интересной разновидностью зевгмы является употребление в одном сочинительном ряду разнохарактерных эпитетов: «Положительно известно, что между супругами происходили нередкие драки, но, по преданию, бил не Федор Павлович, а была Аделаида Ивановна, дама *горячая, смелая, смуглая, нетерпеливая, одаренная замечательною физическою силой*» [Братья Карамазовы. Т. 14. С. 9]. Д.С. Лихачев дает